

АРКАДИЯ

САГА

САНДРА ГАЛЛАНД

**СТРАСТИ И СКОРБИ
ЖОЗЕФИНЫ
БОГАРНЕ**

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
Г15

Sandra Gulland

THE JOSEPHINE TRILOGY

The Many Lives & Secret Sorrows of Josephine B. (1995)

Tales of Passion, Tales of Woe (1998)

The Last Great Dance on Earth (2000)

Сокращенный перевод с английского
Александра Авербуха

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник *Дина Климовицкая*

(в оформлении обложки использована копия портрета Жозефины Богарне с миниатюры работы Жана Батиста Исабе)

Издательство выражает благодарность
литературным агентствам *Westwood Creative Artists*
и *Synopsis Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Галланд С.

Г15 Страсти и скорби Жозефины Богарне : [роман] / Сандра Галланд; [сокращ. пер. с англ. А. Авербуха]. — СПб. : Аркадия, 2018. — 816 стр. — (Серия «Аркадия. Сага»).

ISBN 978-5-906986-54-2

Роман-трилогия канадской писательницы Сандры Галланд повествует об интереснейшей женщине своего времени — Жозефине Богарне, супруге Наполеона. Судьба, исполненная радости и горя, стремительных взлетов и головокружительных падений, запечатлена в отрывочных записях «дневника» Жозефины и фрагментах полученных ею писем. Из них складывается монументальное полотно, беспрецедентное по охвату ярких человеческих характеров и эпохальных исторических событий.

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

© Sandra Gulland, 1995, 1998, 2000
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2018

ISBN 978-5-906986-54-2

Ричарду, который на этом настоял

*Моему отцу, который любит истории,
и моей матери, которая предпочитает книги*

Чету и Кэрри, принцу и принцессе

КНИГА ПЕРВАЯ

РАССВЕТЫ ЮНОСТИ

*...Призраки нашего будущего непредсказуемы
и нам неподвластны.*

Уэнди Роуз. «Пятидесятые»

†

Мадемуазель

Мне предрекают необычную судьбу

23 июня 1777 года, остров Труа-Иле, Мартиника

Сегодня мне исполнилось четырнадцать, а я все еще не замужем. Приданого нет, так откуда же взяться надежде? Мама говорит, что ветер подхватывает надежду и забрасывает ее в небо, как когда-то ураган поднял наш дом и швырнул в сторону, не оставив на его месте ничего, кроме долгов.

О, что за мрачное настроение овладело мною сегодня! Разве празднование дня рождения не должно приносить радость? После ужина, съев слишком много пончиков, начиненных желе из гуавы, я вышла из дома и забралась на свое любимое место на хлопковом дереве. В тени его листы было прохладно. Я слушала, как в передней гостиной мама спорит с бабушкой Санноа; как в хижине, где измельчают тростник, поют рабы, проталкивая стебли через вальцы; как в кустах жимолости разгребает землю курица. Я чувствовала себя как-то странно: в радостный день видела мир в мрачном свете.

Не иначе, так подействовало горькое снадобье вуду — напиток тайных чар, который Мими заставила меня выпить утром.

— Мэнбо¹ Юфемии для тебя приготовила, — шепнула Мими и повязала голову красно-желтым платком.

— Юфемии Давид? Гадалка? — переспросила я. Так звали знахарку, жрицу вуду, жившую в хижине выше по течению реки.

Мими сунула мне в руки плошку из скорлупы кокосового ореха.

— Пей, это приведет к тебе мужчину.

Я с подозрением уставилась на скверно пахнущую жидкость.

— Быстрее! — Мими опасно оглянулась. Видите ли, мама не одобряет колдовства. Она уверена, что устами духов вуду говорит сам дьявол. По ее словам, дьявол охотится за такими девочками, как я. Мама говорит, что дьявол послал ей слишком много девочек и ему не терпится вернуть себе хотя бы одну из них.

Итак, вот признание номер один в моем новом дневнике, присланном из самого Парижа моей прекрасной тетушкой Дезире: я выпила волшебное снадобье и не скажу об этом маме. Я выпила волшебное снадобье и теперь глубоко несчастна.

В записке, приложенной тетушкой к подарку, говорилось: «Книжечка, чтобы записывать желания, мечты и тайные признания». Я потрясла книжечку над столом. Выпало десять ливров.

---

¹ Колдунья, жрица.

— Признания? — фыркнула моя сестра Катрин. Ей двенадцать лет, уже почти тринадцать, а на уме все еще одни проказы. В монастырской школе монахини души в ней не чают, не подозревая, что именно Катрин пустила в дом ректора цыпленка и своровала выставленные остывать печенья. Мими говорит, что у Катрин душа обманщицы.

— Про желание расскажи, — попросила Манет, шепелявя из-за выпавшего переднего зуба. Меня огорчил вспыхнувший в ее глазах огонек: ей ведь всего десять лет, она слишком мала и еще верит, что желания сбываются.

Я пожалала плечами.

— Желание у меня всякий раз одно и то же. — Я взглянула на отца. Он начал день с рома и абсента, а после полудня то и дело прикладывался к пуншу. — Поехать во Францию.

«Отправьте Розу во Францию, — писала каждый год прекрасная тетушка Дезире, — пришлите ее ко мне в Париж».

Отец отвернулся. Лицо у него было желтое; конечно, снова одолела малярия. Тогда-то мне и стало нехорошо, ибо папина ли вина, что он унаследовал одни лишь долги? Его ли вина, что на нем лежит проклятие — три дочери и ни одного сына, — что мамино приданое у него в руках обратилось в прах и что его мечта отправить меня во Францию не может сбыться из-за нехватки денег на дорогу?

— Франция! — Бабушка Санноа столкнула на пол двух мопсов, сидевших у нее на коленях. — А я бы держала девочку подальше от тети Дезире и от этих Ташеров, особенно от отца. И чем плох тот парень, что живет возле Ланиантина? — сказала бабушка, опрокидывая в рот мерный стаканчик с бренди, в котором были разведены семь капель опиумной настойки. — Чем плох парень по фамилии Бил?

Алджернон Бил! Увалень, которого мы зовем Алджи.

— Невесте Била подавай приданое, — сказала мама.

— Прежде его папаша был просто «Бил», — сказал отец, — а теперь его называют «мсье де Бил», он хозяин мастерской по изготовлению кандалов и тавро, владелец трех позолоченных карет, двадцати двух боевых петухов и чистокровного английского жеребца, отец единственного тугоумного сына. — Отец покашлял и осушил стакан. — Месяц назад на аукционе рабов в Форт-Ройяле мне представился случай беседовать с мсье де Билом. Он пространно и подробно рассказал мне, как велико должно быть приданое невесты его сына, как благородны ее предки, как объемна грудь и беспорочна

девственность, чтобы она могла мечтать о свадьбе с его прыщавым отпрыском...

Чтобы не рассмеяться, Манет прикусила краешек салфетки.

— Что ж, всегда остается монастырь, — проворчала бабушка Санноа.

Монастырь. Всегда остается монастырь. Неужели мне суждено стать монахиней? А так хочется большего! Но теперь, я понимаю, мечтать уже поздно, ибо в этот день рождения тетушка Дезире впервые не пригласила меня к себе, а отец не пообещал... О, где вы, дни беззаботного детства? Раньше благодаря блестящим, хоть и ложным надеждам жизнь казалась намного светлее.

24 июня

Сегодня утром я отдала свои десять ливров надсмотрщику, чтобы он поделил их между рабами на плантации. Я теперь взрослая и лучше осведомлена о страданиях людей.

Но мама об этом узнала, рассердилась и сказала, что я — вылитый папа. Мол, наш «щедрый» папа ради того, чтобы угостить друга, готов обречь на голод собственную семью. Наш «безумный» папа всю жизнь кормил ее нелепыми рассказами и пустыми мечтами о славе.

— Мечты, порожденные ромовыми парами, — сказала мама. — Все обещания — что облака в летний день.

Наш папа, которого никогда не бывает дома и который уже уехал в Форт-Ройял.

— Играть с дьяволом, — уточнила бабушка Санноа.

— С дьяволицами, — спокойно, едва слышно поправила ее мама.

Воскресенье, 29 июня

Дорогой дневник, сегодня я размышляла о своих грехах и каялась.

Виновна в том, что принимала желаемое за действительное.

Виновна в том, что разглядывала свое отражение в пруду. Виновна в том, что спала, убрав руки под одеяло.

Ну вот, все записано. Чернила, пока я пишу, высыхают. Теперь поскорее захлопну дневник — не могу смотреть на эти слова.

Воскресенье, 6 июля

Сегодня утром преподобный Дроппит подозвал меня к себе после церковной службы.

— Мадемуазель Ташер, твоя бабушка просила меня поговорить с тобой.

Я увлеченно листала страницы своего служебника². За окном ржали лошади, перекрикивались кучеры.

— Тыходишь в возраст, когда надо принимать важные решения, — шевеля кончиком мясистого носа, сказал отец Дроппит.

— Да, отец мой. — Под белой рясой темнели очертания его нижнего белья.

Преподобный помолчал.

— Советую тебе склониться пред волей Божией и принять жизнь служения.

Я почувствовала, что щеки у меня разгораются.

Отец Дроппит протянул мне носовой платок.

— Жизнь монахини смогла бы утолить голод твоего сердца.

За открытым высоким окном на погост мне была видна голова статуи Христа, глядящего в облака. О падре, мой сердечный голод с легкостью утолили бы праздники, шелковые туфельки и любовь привлекательного кавалера.

Преподобный Дроппит склонился ко мне.

— Когда-то и я был молод... — выдохнул он, и я уловила запах рома.

— Нет, отец мой, я же умру в монастыре!

«Прости меня, отче...» Я пятилась, пока не оказалась у двери, развернулась и выбежала вон из церкви.

24 июля

Мы с Мими играли среди развалин³, когда она заметила пятно у меня на юбке.

Я подтянула испачканную часть на бок и изогнулась посмотреть. Что это, кровь?

— Это цветы, — сказала Мими.

Я не знала, что делать.

— Скажи маме, — посоветовала Мими.

— Не могу! — Это было бы нарушением правил благопристойности, которым мама следовала неукоснительно.

Мими дала мне кусок ветоши и объяснила, как им пользоваться. По ее словам, свой она стирает в ручье рано утром, когда никто не видит.

— Там, где мы купаемся? — Фу, до чего противно!

---

² Книга, содержащая тексты церковных служб каждого дня.

³ Из дома, разрушенного ураганом в 1766 г., семья Розы переселилась в сахароварню, где раньше упаривали сахарный сироп.

— Ниже по течению.

Теперь я хожу по дому, чувствуя между ног большой кусок ветоши, и мне кажется, что все это видят. Считается, что во мне свершилась важная перемена, но я чувствую только отвращение и недопомогание.

Суббота

Мими учила меня гадать на картах: раскладывать их и понимать, что они говорят. Сегодня мы попробовали гадать моей сестре Катрин. На девятое место выпала карта «Смерть».

Катрин была недовольна.

— Это не *настоящая* смерть, — сказала Мими, собрала карты и стала приноживаться.

Потом я ее спросила:

— Почему ты остановилась?

— Ты не почувствовала запах сигарного дыма? — шепотом сказала она. — Дух Смерти — обманщик. Никогда не верь ему.

Четверг, 31 июля

Дорогой дневник, случилось нечто ужасное, и у меня на сердце камень.

Все началось с того, что я солгала: сказала младшей сестре Манет, что мы с Мими пойдем на верхнее поле смотреть, не пришел ли в залив отцовский корабль.

— А ты оставайся здесь, — велела я сестре.

Мы с Мими прошли по тропинке за хижинкой из маниоки, но на вершине холма свернули обратно к реке и Морн-Кро-Сури. И тут нас догнала Манет!

— Я же наказала тебе остаться! — закричала я.

— Ты солгала! Ты сказала, что вы идете на холм!

— А ты умеешь хранить тайну? — сердито покосилась на нее Мими.

— Клянусь, никому не скажу!

У реки было сумрачно, с ветвей деревьев свешивались пряди мха. Подходя к хижине гадалки, мы услышали кудахтанье курицы.

— Здесь живет оборотень, — испуганно прошептала Манет, беря меня за руку.

Я опасливо взглянула на Мими:

— Это правда?

Перед хижинкой стояла жаровня с углями и сильно пахло жареной козлятиной. В тени веранды, крытой банановыми листьями, сидела,

скрестив ноги по-турецки, чернокожая женщина. Юфемии Давид — жрица вуду.

Когда мы приблизились, она поднялась с места. Бальное платье из красного атласа с золотистой каймой, рваное и в пятнах, было ей очень велико. Седые курчавые волосы образовали вокруг головы подобие нимба. Позади нее у стены стоял ржавый мачете.

Мими прокричала что-то, чего я не поняла. Старуха ответила на языке чернокожих.

— Что она говорит? — спросила я.

— Входите, — сказала старуха. Из хижины вышел щенок и зарычал на нас.

— Я тут подожду, — сказала Манет.

Мими подтолкнула меня вперед.

— А ты разве не зайдешь? — спросила я.

Мы вдвоем приблизились к старухе. И чего тут бояться?

Юфемия была поразительно мала, чуть больше Манет. Черная кожа у нее на шее висела складками. В одной руке она держала сделанную из раковины плошку со свиными ножками, приготовленными в мякоти кокосового ореха, другой зачерпывала пищу и отправляла в рот. Старуха обсосала кость и бросила щенку, а потом заговорила с Мими на языке чернокожих. Я оглянулась. Манет стояла у горячего дерева, не сводя с нас круглых глаз. Закаркала ворона.

Мими тронула меня за руку.

— Она говорит, что будущее повсюду вокруг тебя.

— Что это значит?

Старуха ушла в хижину, вернулась с корзинкой и сунула ее мне в руки. В ней лежали: погремушка из тыквы, деревянная кукла, палочка, две свечи, кость, обрывки потрепанной ленты и распятие.

Старуха что-то сказала Мими.

— Она хочет, чтобы ты выбрала три вещи, — сказала Мими.

— Любые? — Я взяла из корзинки свечу, куклу и распятие.

— Она хочет, чтобы ты их положила, — сказала Мими.

— На землю?

Старуха запела. Я оглянулась. Манет по-прежнему стояла у горячего дерева. Глядя на нее, я пожала плечами. Помню, еще подумала: «Видишь, бояться нечего».

Старуха застонала, стала качать головой из стороны в сторону, белки ее глаз затуманились. Она взглянула на меня и вскрикнула. Этот крик, похожий на визг закалываемого поросенка, я не забуду никогда.

— Что это? — Нельзя сказать, что мне было совсем не страшно. — Мими! Почему она так кричит?